

«Глядя на луч пурпурного заката/Стояли мы на берегу Невы», — распевали мы с Аликом. Умчался без возврата тот сладкий миг... Наш друг Алик (Арлен) Блюм умер в 2011 году. Крупный российский социолог Андрей Николаевич Алексеев писал о нём: «Если бы меня на высоком Суде спросили: «Что можешь сказать в свое оправдание?», я мог бы ответить: «Я дружил с Арленом Блюмом». Дружба с Арленом — предмет не только радости, но и гордости... Кто бы еще назвал свою очередную книгу: «От неолита до Главлита», а курс лекций по истории цензуры предъявил как собрание исторических анекдотов!.. Кто знал Арлена — тот никогда его не забудет...»

Кто не знал Арлена Блюма — пусть узнает: в этом цель моих записок. Улыбнёмся и мы вместе с ним.

Мы звали его Аликом. Встречи с ним всегда были праздником. Энциклопедически образованный, с невероятной памятью и замечательным чувством юмора, Алик Блюм был неотразимо обаятельным, блестящим человеком. Книговед, доктор филологических наук, профессор Ленинградского института культуры; по более узкому профилю — специалист по отечественной цензуре.

Зимой мы виделись редко, а лето он обычно проводил под Москвой, по соседству с нами, на даче у нашей общей подруги Лены Краснощёковой, известного литературоведа. Лена — любительница хорошо, со вкусом одеться. Алик говорил о ней, перефразируя Максима Горького: «Всем хорошим на мне я обязан книгам». Лена уже много лет живёт в Америке. В бытность её в Советском Союзе она написала и издала несколько серьёзных литературоведческих книг, много критических статей, разнообразные эссе и предисловия. Несмотря на невинную профессию, она долгие годы была «в отказе». Первый отказ совпал с публикацией её книги о творческом методе Всеволода Иванова. «Лену-то почему не выпускают?» — изумлялись друзья. — «Слишком много знает о творческом методе Иванова», — объяснял Алик.

С началом Перестройки Алик получил на какое-то время доступ к архивам Главлита. Оказывается, один экземпляр «крамолы» Главлит сохранял и отправлял в спецхран. Вот на этих-то полях и пасся Алик, заглянув за кулисы нашего, по Орвеллу, «Министерства правды». Одна за другой выходили его статьи и книги о замечательных находках, погребённых в спецхране Главлита.

Статьям и книгам Алик часто предпосылал убийственные эпиграфы. «Человек перестал быть обезьяной и победил обезьяну в тот день, когда была написана первая книга. Обезьяна не забыла этого до сих пор: попробуйте дайте ей книгу — она сейчас же испортит её, изорвёт, изгадит». Это из Евгения Замятина. А вот из Владимира Соловьёва (1885 год), Алик часто это цитировал: «Благонамеренный и грустный анекдот: Какие пастыри пасут теперь народ!»

Алик был блестящий рассказчик. В наши восхитительные дачные вечера по многочисленным заявкам он повторял свои истории на бис приходившим и приезжавшим гостям, и я помню многие его рассказы, хотя за дословное изложение, конечно, не ручаюсь.

К примеру, об опечатках, квалифицированных как вредительство. От некоторых и правда шёл мороз по коже. «Мелкий унылый *вождь* сеял над зелёным полем стадиона». Или: «Владимир Ильич начал говорить, задумчиво царапая *когтями* лоб». Да и другие, спрятанные в спецхране опечатки часто били не в бровь, а в глаз: «*великосоветская чернь*» вместо «великосветская чернь» в либретто какого-то спектакля; «*курководство*» (вместо руководства) партии Ленина-Сталина. А вот из письма какого-то то ли октябрёнка, то ли юного пионера товарищу Сталину: «Самым моим большим желанием было побывать в Мавзолее и увидеть Вас, товарищ Сталин!» Желание пионера в конце концов сбылось, но дожили ли до его осуществления сам пионер и его родители? В те годы «гнусное и смешное» шли рука об руку; не надо было быть медиумом, чтобы догадаться о судьбе несчастных, чьи книги или статьи были изъяты из обращения и уничтожены за неловкие опечатки или упомянутые не к месту фамилии. «*Там, где начинают с уничтожения книг, неизбежно заканчивают уничтожением людей*», — писал Генрих Гейне.

Много проблем, рассказывал Алик, доставляла наборщикам и корректорам фамилия Вождя, поскольку в наборной кассе рядом с «т» стояло коварное «р», и легко было перепутать («*тов. Сралин*»). Очень повеселила нас история о неудачном сокращении слов в каком-то пособии по статье Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»: «В.И. Ленин. Мат. и эмп.»

В начале Перестройки Алику было доступно в архивах практически всё, кроме листов с государственными тайнами. Последние, впрочем, охранялись весьма нерадиво: секретные листы были скреплены банальными скрепками. Алика, большого любителя государственных тайн, раздирало любопытство. Однажды, воспользовавшись кратковременным отсутствием в зале надзирательницы, отлучившейся по физиологической надобности, Алик молниеносным движением вытащил скрепки и с замиранием сердца заглянул внутрь. Открывшееся взору

так его поразило, что он чуть не забыл скрепить обратно секретные листы. Государственная тайна состояла в спецдонесении о недостатках *случной кампании* в колхозах Ленинградской области. Речь шла о племенных жеребцах, использовавшихся председателями колхозов на тяжелых пахотных и тягловых работах и поэтому неохотно исполнявших свои прямые обязанности. Разумеется, все они (не жеребцы, а председатели) объявлены были «вредителями» и привлечены к ответственности... Приобщаться к государственным тайнам Алик больше не рвался.

Совершенно козырной находкой для наших вечерних чаепитий был обнаруженный Аликом в спецхране «Весёлый архив». Сборник этот был выпущен издательством «Земля и Фабрика» в 1927 году (Библиотека сатиры и юмора. Копилка советских курьезов. Выпуск 1. Тираж 12 500 экз.); составителем его был Борис Самсонов, а предисловие написал Михаил Кольцов. Алик этот сборник опубликовал, что позволяет мне, не доверяясь памяти, цитировать его точно по оригиналу. Вот что пишет Алик в предисловии к сборнику: «Выпуск первый» этой небольшой и очень забавной книжечки оказался и последним. Вскоре она была конфискована и заключена в библиотечные узилища: сохранилось лишь считанное количество ее экземпляров. Главной причиной ареста послужило, конечно, имя автора предисловия Михаила Кольцова, известного литератора и публициста, расстрелянного в 1938 г. Но и самое содержание сборника могло вызвать неудовольствие цензоров, поскольку в нем они, должно быть, усмотрели поклев и «надсмешки» над советскими людьми. Составитель сборника (к сожалению, мне не удалось установить сведения о нем), ничего между тем сам не придумал: он лишь тщательно фиксировал и сохранял исчезающий материал — объявления, эпиграфий, заявления, служебные характеристики, докладные записки и т. п. Собранные им тексты как нельзя лучше и красочней передают атмосферу эпохи НЭПа...»

Михаил Кольцов, в духе времени, стремился придать своему предисловию, озаглавленному «Драгоценный букет», оптимистический и классово отточенный характер: «В сборнике перед нами — самые пахучие «цветы», распустившиеся на навозной свалке старой российской пошлости, тупости, бюрократизма. Год за годом мы срываем оную старую растительность, сравниваем с землей навозные кучи. Не долго ждать конца работы. А букет отборных цветов занятно и полезно засушить в книжке на долгие времена». И, не удержавшись, признавался: «...Без сомнения, без всякого сомнения, собранная Б. Самсоновым книга — самая смешная и великая книга из всех, которые я читал за годы революции...»

Познакомимся и мы сейчас с некоторыми «отборными цветами», попавшими в «Весёлый архив».

Кладбищенские надписи:

«Здесь упокоен бывший раб божий, а теперь свободный божий гражданин Никита Зоценков, 49 лет».

«Упокой, Господи, обманутый Врангелем прах казака станицы Режицкой Семена Кувалдина, вернувшегося в лоно Советской власти и во Царствии Твоем».

Докладная записка:

«В Парт бюро 64 полка

Доношу до вашего сведения, что моя жена родила сына 27 марта 1924 г. и я желаю сына публично крестить. Имя на усмотрение Парт Бюро почему я желаю Крестить Публично потому что я женился по советски. А во-вторых я хоть и Безпартийный но желаю поддержать Энтервенцию. Прошу неотказать.

Пом. Ком. Взвода-3 Удалов».

Постановления:

«Из постановления Сталинградского Союза деревообделочников.

Исключаются из членов союза на неопределенный срок:

Чебатурин за то, что зажиточно жил.

Елькин за религию.

Бондаренко за разложение масс.

Анисимов — глубокая старость».

Смотритель базара в Артемовске подал Горместкому такой *рапорт*:

«Прошу вашего распоряжения огородить лавку на нижнем базаре городских весов колючей проволокой, ввиду сильного зловония от проходящих граждан. В некоторых некорректностей оправляются на стенку по просьбе и заявлению того же весовщика».

На рапорте резолюция:

«Тов. Петрову.

Сообщите, есть ли проволока. Впишите ордер».

Резолюция Петрова:

«Проволока есть, но тонкая. Зловоние не задержится».

Мы с друзьями часто цитируем Алика. «Обманутый Врангелем прах» и особенно «Проволока тонкая, зловоние не задержится» стали нашими семейными метафорами к некоторым событиям внутренней и международной жизни...

Неудачные (или, наоборот, удачные) сближения слов или заголовков иногда тоже принимали характер вражеской вылазки. Из рассказов Алика о неудачных сближениях запомнился такой, вычитанный им в изъятой Главлитом колхозной или совхозной газете (возможно, в период «дела врачей»): «Мы должны как зеницу ока беречь жизнь тов. Сталина, всех наших вождей», и сразу под этим: «Уничтожить гадов, чтобы и следа их не было на нашей земле!»

Много десятков лет спустя после событий, с таким блеском рассказанных Аликом, я сама была свидетельницей «выдирки» из журнала «Химия и жизнь», где какое-то время работала моя племянница Таня. Выдирали всей редакцией, не покладая рук, круглыми сутками из почти полумиллионного тиража. Проблема состояла в том, что вверху злосчастной страницы была помещена иллюстрация к статье о пользе животных жиров и белков, не уместившаяся на предыдущей странице; на ней был изображён мчащийся грузовик, набитый гладкими и упитанными свиньями, быками, гусями и курами, словно сошедшими в журнал

с Выставки достижений народного хозяйства. Прямо под этим рисунком бил в глаза заголовок следующей по ходу статьи, набранный крупным шрифтом: «Навстречу XXI съезду КПСС» (возможно, речь шла о XXII-м, точно не помню).

Работа Алика в архивах Главлита была сродни работе археолога, золотоискателя и реаниматора. Значение его раскопок для культуры вообще и для русской словесности в частности трудно переоценить. Он реанимировал похороненные заживо в спецхране имена и труды забытых писателей, поэтов, эссеистов и издал *Индекс запрещённой книги*: «Запрещенные книги русских писателей и литературоведов. 1917—1991: Индекс сов. цензуры с коммент.» Составленный Аликом индекс запрещённой книги насчитывает 1233 наименования!

За книгу «Советская цензура в эпоху тотального террора, 1929—1953» Алик был награждён престижной литературной премией «Северная Пальмира». Начиная с 2012 года, в Ленинградском государственном университете ежегодно проводится международная научная конференция памяти А. В. Блюма: «История книги и цензуры в России. Блюмовские чтения».

Алик обладал немислимой работоспособностью. Вскоре после его смерти упомянутый уже друг Алика, социолог Андрей Николаевич Алексеев составил подборку его публикаций — вероятно, неполную, насчитывающую сто восемьдесят два наименования, среди которых пять толстых книг.

Книга была его жизнью. Ещё при советской власти он составил три замечательных сборника: «Очарованные книгой» — русские писатели о книгах, чтении, библиофилах, «Вечные спутники» (советские писатели о книгах, чтении, библиофильстве), «Книжные страсти» — сатирические произведения русских и советских писателей о книгах и книжниках. С кем только вы не встретитесь на этих страницах: Некрасовым и Салтыковым-Щедриным, Зоценко и Аверченко, Булгаковым и Буховым, Цветаевой и Кольцовым, Ильфом, Аркановым, Лиходеевым. Вот только встретиться с ними вам будет нелегко: сборники эти, изданные в восьмидесятых годах (правда, астрономическими тиражами в сотни тысяч экземпляров), никогда не переиздавались. Не знаю, как в Ленинграде, а в Москве их почему-то продавали за твёрдую валюту в магазине «Берёзка», откуда допущенный к кормушке народ пёр, понятно, не «Белинского и Гоголя», и даже не «милорда глупого», а коньяк и джинсы. Аликовы сборники там, думается, большим спросом не пользовались, разве что у заезжих славистов.

...Помимо общих друзей, нас с Аликом роднила замешанная на глубоком уважении любовь к котам. Предпоследний Аликов Кот (к несчастью, забыла его имя-отчество) обладал исключительными умственными способностями и литературным талантом. Когда Алик работал дома, Кот садился на стол рядом с пишущей машинкой и внимательно следил за происходящим. Иногда вдруг вскакивал и бил Алика лапой по руке. «Заметил опечатку, — тревожился Алик. — Или формулировка не понравилась, надо будет отредактировать». Но самое замечательное происходило, когда Алик вставал и отходил от пишущей машинки. Кот

немедленно занимал его место и... начинал печатать! Я никогда не видела ничего подобного! И тогда Алику пришла в голову замечательная идея. В Оксфорде он познакомился с английским славистом, у которого был кот по имени Томас Муррр. И Аликов Кот затеял переписку с котом Томасом. Это был высокий образец эпистолярного стиля. Коты обсуждали последние политические новости, сплетничали, по весеннему времени обменивались опытом и хвастали успехами. Простить себе не могу, что странички этой переписки, подаренные мне Аликом, пропали при моём переезде в Штаты.

Наш кот Афанасий тоже очень дружил с Аликом. Когда мы уезжали в летний отпуск, Афанасий перебирался на несколько недель на дачу к Лене Краснощёковой, где его все очень любили, уважали, ласкали, кормили и ничего за это не требовали. От нашей собственной дачи ему отказала моя сестра Ляля за вопиющую нерадивость: наш кот не ловил мышей. Он не просто не ловил мышей — он орал, отшатывался и удирал, если пойманную в мышеловку мышку для науки совали ему под нос. Моя сестра отказалась держать в доме такого дармоеда в наше отсутствие, и он жил у Краснощёковых. Но однажды он попал там в критическую ситуацию, и спас его Алик. К Лене в гости пришёл приятель-лингвист с огромной лохматой собакой колли. Афанасий сидел на парапете террасы и внимательно следил за собакой. В центре стола, за которым происходило традиционное чаепитие, стояла огромная миска только что протёртой чёрной смородины — весь урожай того года. Шла неторопливая беседа на лингвистические темы, для собаки, по-видимому, не представлявшая большого интереса. Она соскучилась и громко зевнула, открыв огромную зубастую пасть. Афанасия смело с парапета. Он взмыл вверх, уцепился за подвешенный к потолку абажур, не удержался и рухнул всем своим толстым задом прямо в миску протёртой смородины, обдав хозяев, гостя и террасу водопадом густых сладких брызг. Оттуда с отчаянным воплем взлетел обратно на парапет, с парапета — на сосну и в мгновение ока оказался на самой её вершине. Сосны у нас на 42-м километре прямоствольные, высокие, с длинным голым стволом и шапкой веток на верхушке. Взлететь по голому стволу кот может, а спуститься вниз — нет, никак. Со слипшимся черносмородиновым задом кот сидел на вершине сосны на ненадёжной ветке, ему было страшно и одиноко, и он истошно орал. Гость-лингвист со своей колли срочно ретировался, спеша отчистить драгоценную шерсть; хозяева в прострации осматривали место катастрофы, пытаясь оценить размеры бедствия, включая изгаженные туалеты. И только Алик в первую очередь занялся спасением кота. Весь обляпанный чёрной смородиной, он куда-то сбегал и вызвал пожарников. Они приехали с огромной лестницей и сняли Афанасия с сосны.

Добрый к друзьям и котам, Алик умел быть беспощадным. У него была своеобразная манера литературной критики: он принимался хвалить «жертву», но так, что восхваляемый корчился в конвульсиях и наверняка думал, что лучше бы его ругали последними словами. Однажды я и сама стала объектом такой критики. В качестве примера, приведу избранные строки из статьи Алика «Два жука

Наталья Рапопорт и Алик Блюм, СПб, 2009

в русской поэзии: Опыт системного прочтения двух стихотворений». Впервые статья была опубликована в журнале «Столица» (1991, № 49). Впоследствии она была переработана автором, и новая версия опубликована в журнале «НЛО» в 2011 году.

«Последнее время наши СМИ активно обсуждают, казалось бы, не самый животрепещущий вопрос: достойна ли Центральная детская библиотека России носить гордое имя Сергея Михалкова? Учитывая несомненные заслуги писателя перед детской литературой, руководство библиотеки всячески настаивает на этом. Но есть и противники... В частности, Эдуард Успенский считает, что такое присуждение выглядело бы

кощунственно, поскольку досточтимый писатель известен как литературный и общественный деятель, нещадно разоблачавший и громивший Пастернака, Синявского и Даниэля, Сахарова, да и вообще заслуги его перед отечественной словесностью весьма сомнительны. Он даже считает, что с таким же успехом можно создать «Детский садик имени Малюты Скуратова». Ну, это уж чересчур... Мы все-таки более склонны разделить позицию руководителей библиотеки. И попытаемся сейчас это аргументировать.

Во-первых, Михалков известен как автор трех редакций официального гимна, текст которого он искусно менял на протяжении многих десятилетий применительно к изменившимся обстоятельствам. Такое не каждый сможет: недаром наш народ ласково называл авторов музыки и слов гимна «нашими гимнюками»...

Или другой его шедевр — книжка «Лесная академия», печатавшаяся на протяжении десятилетий многомиллионными тиражами.

Вот о ней и пойдет речь в наших кратких заметках. В домашней библиотеке моих друзей чудом сохранилась старая потрепанная книжка, которая, как можно полагать, и стала импульсом к созданию «Лесной академии». Вот она: «Моя первая книга стихов» — небольшая хрестоматия, вышедшая в издательстве «Товарищество М.О. Вольф» в 1912 году, то есть за год до рождения С. Михалкова...

Не исключено, что маленькому Сереже в детстве читали эту книжку и причудливым образом одно из стихотворений, названное «Жук-учитель», так запало ему в душу, что спустя много лет вызвало цепь ассоциаций, в результате которых

и родилась «Лесная академия». Автором «Жука-учителя» указан Константин Николаевич Льдов, некогда известный, а сейчас забытый поэт, родившийся в 1862 г. и умерший в 1937-м (но в своей постели: после революции он жил в эмиграции, в Брюсселе).

Сравним же теперь эти два текста и убедимся, как далеко ушел советский поэт от своего дореволюционного собрата по перу, придав уходящему в глубокую древность мнемоническому стихотворному приему обучения детей грамоте совершенно новые, созвучные героической эпохе оттенки и краски.

Итак, начинаем:

Константин Льдов:

Как-то летом, на лужайке,
Господин Учитель-Жук
Основал для насекомых
Школу чтенья и наук.

Сергей Михалков:

Как-то летом, на лужайке,
Очень умный Майский Жук
Основал для насекомых
Академию наук.

Прокомментируем два этих текста. Как мы можем убедиться, оба поэта, не сговариваясь, естественно, обращаются здесь к образу Жука, образу, столь характерному и типологически искони присущему русской литературной традиции. Осмелимся высказать осторожную гипотезу, что восходит этот бессмертный образ еще к 60-м годам XVIII века, когда Александром Сумароковым была написана басня «Жуки и Пчелы». В дальнейшем тема Жука разрастается. Вспомним мы, конечно, и дивно звучащую строку из элегии Василия Жуковского «Сельское кладбище»: «Лишь изредка, жужжа, вечерний жук мелькает...» (обратите внимание на богатую внутреннюю аллитерацию, звучащую в названии нашего симпатичного насекомого и фамилии поэта, воспевшего, думается, его отнюдь не случайно). И уж, разумеется, не пройдем мимо Александра Пушкина, который в 7-й главе «энциклопедии русской жизни», романа «Евгений Онегин», не мог обойти вниманием наш персонаж:

Был вечер. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жук жужжал.

Но, сравнивая эти тексты, мы видим, что С. Михалков наполняет этот традиционный образ совершенно новым и, не побоимся этого слова, классовым содержанием. В самом деле, К. Льдов называет жука-учителя «господином», как бы унижаясь и заискивая перед ним, что совершенно чуждо советской школе. С. Михалков гордо называет его «Майским», ненавязчиво и искусно вызывая тем самым у нашего ребенка положительную доминанту, а именно ассоциацию с Международным праздником трудящихся — с 1 мая. Выскажем предположе-

ние, что такое поэтическое противопоставление наваяно, должно быть, следующим четверостишием Николая Олейникова:

Лев рычит во мраке ночи.
Кошка стонет на трубе.
Жук-буржуй и жук-рабочий
Гибнут в классовой борьбе.

Но вернемся к нашим поэтам и обратим внимание на такой интересный факт: если дореволюционный Жук обучает детей в школе, то советский в «Академии наук»! Такая поправка, несомненно, свидетельствует о повышении самого статуса грамотности и большей ее престижности в советское время.

Двигаемся дальше. Вот буква «А» и следующие за ней по алфавиту.

Константин Льдов:

«А» — акула, «Б» — букашка,
«В» — ворона, «Г» — глаза...
Шмель и Муха, не болтайте!
Не шалите, Стрекоза!

Сергей Михалков:

«А» — акула, «Б» — береза,
«В» — ворона, «Г» — гроза.
Шмель и Муха, не жужжите!
Успокойся, Стрекоза!

Нас не должно смущать некоторое сходство этих четверостиший; оно кажется таковым только при первом приближении...

Мы могли бы продолжить эти сравнения... Но оставим это для желающих. Заметим лишь, что такими ненавязчивыми изменениями советский поэт добивается высочайшего художественного (и педагогического!) эффекта, оставляя далеко позади своего предшественника на этом поприще.

Итак, надеемся, что наш скромный опыт прочтения двух стихотворений прибавит аргументов сторонникам присуждения Центральной детской библиотеке имени Михалкова и рассеет наветы и сомнения отдельно взятых злопыхателей (или уже взятых?) С другой же стороны, он может пригодиться литературоведам-текстологам и комментаторам будущего Полного собрания сочинений С.В. Михалкова».

Не могу не поделиться с вами ещё одним, услышанным от Алика чудным рассказом. В когда-то существовавшей Карелофинской республике, как полагалось, был Союз Писателей, и у вышеупомянутого Союза был съезд. Всякий уважающий себя съезд кончается банкетом, и съезд писателей Карелофинской республики в этом отношении от остальных не отличался и другим не уступал. Банкет проходил в ресторане гостиницы, в которой жило большинство делегатов. Почетным гостем съезда был карелофинский министр культуры. Дабы никого не обидеть, он пил, не пропуская, все тосты, в результате чего ему в какой-то момент срочно

понадобилось выйти. Поскольку в гостинице он не жил, с ее географией он знаком не был. Министр культуры неся по коридору, заглядывая в разные комнаты, и наконец ему показалось, что он нашел искомое, потому что в глубине комнаты что-то белело. Он с облегчением справил малую нужду, но оказалось, что это белело лицо известного карелофинского писателя, который давно уже крепко спал, будучи мертвецки пьян. От брызнувшей на него невесть откуда струи он проснулся, разом протрезвел и очень обиделся. Он написал заявление на министра культуры в Центральный Комитет и в Союз Писателей СССР. Дело, возможно, и обошлось бы, но в Союзе Писателей на это заявление кто-то наложил замечательную резолюцию: «Описанному верить!» История в результате получила широкую огласку и писатель был отмщён: министр культуры лишился портфеля...

К великому сожалению, в своё время я упустила возможность прочитать многие статьи Арлена Блюма. По большей части они были опубликованы в журналах «Звезда» и «Новое литературное обозрение»; что-то можно найти в журналах «Наука и жизнь», «Иностранная литература». Привожу ниже короткий, избранный мною список его журнальных публикаций:

«Искусство идет впереди, конвой идет сзади: дискуссия о формализме 1936 г. глазами и ушами стукачей: (По секретным донесениям агентов госбезопасности)». «Как было разрушено «Министерство правды»: советская цензура эпохи гласности и перестройки (1985-1991)». «Буржуазная Курочка Ряба и православный Иван-дурак: [Архивные документы 1924–1925 гг. о цензуре детской литературы]. «Благонамеренный и грустный анекдот», или Путешествие в архивный застенок». «Как выбирали в академики (по секретным сообщениям госбезопасности)». «Рукописи не горят? К 80-летию основания Главлита СССР и 10-летию его кончины». «Если Троцкий не возьмет, выйду за Чичерина...». «Запрещенные частушки из спецхрана». «Запрещенные романсы в репертуаре Федора Шляпина». «Склад микробов коммунизма: «Нежелательная персона», «клеветнический факт», «политический дефект», «люди хуже родственников — однофамильцы». Любое из этих определений отправляло книгу в вечную ссылку». «Собачье сердце» глазами Шарикова: советская цензура 20-х годов». «Index librorum prohibitorum русских писателей 1917-1991: [Фрагменты списка запрещенных книг русских писателей XX в.]». «Начало II мировой войны: настроения ленинградской интеллигенции и акции советской цензуры по донесениям стукачей и цензоров Главлита». «Псевдопереводы на русский как литературный и политический прием». «Удивительный барон Мюнхгаузен». «Каратель лжи, или Книжные приключения барона Мюнхгаузена» М., Книга, 1978, 61 с.